



**Илья Левяш**

## **Дилемма «расширение/объединение» Европы: взгляд из России**

Rubicon transeo! (лат. «Перейти Рубикон!») - этим императивом Юлий Цезарь радикально изменил сценарий мифа о похищении Зевсом прекрасной Европы и овладел ею силой римского меча. С тех пор зевсы всех мастей не однажды пытались овладеть Европой, и, теряя ее, готовы признать, что «Соединенные Штаты, отторгнутые от Европы, оказались бы... островом вдали от берегов Евразии...»<sup>1</sup>. Но недавняя «наложница», вставшая из пепла второй мировой войны, стремится исключить возможность нового «похищения» и манифестирует решимость перейти рубикон к неведомому ранее типу интеграции.

На ее путях и перепутьях противоречиво переплелись реалии и мифологемы, и пора отделить зерна от плевел. Пора - потому что фиаско Конституции «для Европы» напоминает свет в тоннеле, который рыл кафкианский узник, свет... соседней камеры. Назрела необходимость в обосновании концептов панъевропейского проекта, начиная с пересмотра исходной установки на «единую Европу», выяснения дуального смысла ее расширения/объединения и завершая концептом «триединая Европа».

Структура реализации этого замысла:

1. «Единая Европа» как двуликий Янус.

---

<sup>1</sup> Киссинджер Г. *Нужна ли Америке внешняя политика?* - М., 2002. - С. 41.

2. Дилемма «расширение/объединение Европы».
3. Евразийское содержание и европейская сущность России.
4. От «окна в Европу» к ассоциации России и ЕС.

## 1. «Единая Европа» как двуликий Янус

*Итак, не разрешайте никому предсказывать упадок и  
смерть... в результате старения Европы!*

(Herder)

Как принцип, единая Европа ведет свое летоисчисление от христианского «ни еллина, ни иудея». Первый проект единой Европы был создан в 802 г. императором Карлом Великим. Он привел к присяге «христианский народ», и это произвело «коренной переворот в умах»<sup>2</sup>. Европа постепенно, ценой многих бедствий, выработала духовную самоидентификацию незримой *Respublica Christiana*. Эту тенденцию выразил мыслитель Возрождения Эней Сильвий Пикколомини (с 1458 г. - Папа Пий II). Он написал первую книгу, озаглавленную словом «Европа» (Pius II. In Europam. Memmingen. Albrecht Kunne. Marst 1491). Уже в XIX в. Западная Европа – географический полуостров Евразии – либо владела остальным миром, либо оказывала на него решающее влияние.

С начала XX в. Европу преследует эдипов синдром. Ее «дети» - США быстро преодолели провинциальный изоляционизм и стали энергично обучать своих «родителей», вызвав к жизни имитаторский проект «Соединенных Штатов Европы». Основания его предтечи во многом имеют мессианско-миссионерский характер призвания США как «нового Иерусалима», обетованной земли «избранного народа», на сей раз безошибочно указанного Провидением. Не стоит недооценивать как пассионарную энергетику этих мифологем, так и их «свое-другое» - устойчивые геополитические интересы. Когда битва американского Давида с советским Голиафом в холодной войне завершилась, Америка открыла «второй

---

<sup>2</sup> Зидентроп Л. *Демократия в Европе*. - М., 2001. - С. 253.

фронт - против Европы»<sup>3</sup>. В пространстве единого и неделимого «Запада» развертывается фундаментальная коллизия - кристаллизация и соперничество двух культурно-цивилизационных комплексов (далее - КЦК), и их сущность выражается интегральными терминами - **американизм** и **европейскость**. Постижение их специфики происходит на разных уровнях - от уникальных «десяти заповедей Европы»<sup>4</sup> до системного ядра их **смыслообразования**.

В таком ракурсе заметно выделяется книга видного британского политолога и общественного деятеля У. Хаттона. Он считает некорректным спор о том, «на какой стороне Атлантики находится высшая цивилизация», и в развернутом виде представляет концепцию «обеих цивилизаций»<sup>5</sup>. По сути речь идет о «...различии подходов, избранных двумя цивилизациями»<sup>6</sup>.

Где же рубикон, отделяющий ценностно-смысловые ядра, институты, технологии и ментальность американской цивилизации от европейской? «Борьба за сердце Европы» изначально стала волей к самоидентификации, определению того, «...кто мы есть и почему мы именно такие, как мы есть»<sup>7</sup>. Приоритеты Европы «в корне отличаются от американских... это различия не в акцентах; они касаются сути того, что разделяет американскую и европейскую культуры...»<sup>8</sup>. Сверхзадача Европы - «создание работоспособного и самостоятельного типа (не формы! - И.Л.) капитализма, воплощающего в себе историю и мировоззрение народов континента»<sup>9</sup>.

Вопреки вестернизации, пишет Л. Зидентроп, Европа не намерена утрачивать своей идентичности ради превращения

---

<sup>3</sup> Хаттон У. *Мир, в котором мы живем*. - М., 2004. - С. 56.

<sup>4</sup> См.: Эмерсон М. *Экзистенциальная дилемма Европы* // Вестник Европы. - М., 2005. №15. - С. 41- 65.

<sup>5</sup> Хаттон У. *Op. cit.* - С. 54, 100.

<sup>6</sup> *Ibidem.* - С. 352, 353.

<sup>7</sup> *Ibidem.* - С. 16.

<sup>8</sup> *Ibidem.* - С. 53, 57.

<sup>9</sup> *Ibidem.* - С. 393.

в «более крупный супермаркет». Она «может быть современной, оставаясь при этом Европой». Новая Европа - это прежде всего «культурный и этический проект»<sup>10</sup>. Европейские понятия экономики располагаются «по ту сторону рыночных джунглей и по эту сторону тоталитарного зоопарка». Отсюда кредо: **за** рыночную экономику, но **против** рыночного общества.

Таковы основные параметры идеальной модели европейскости, а на практике - сверхзадача «единой Европы» как начала единения в Евросоюзе западноевропейских и некоторых центральноевропейских государств. Условно обозначим этот супер-регион как **Европу-1**. На рубеже столетий она продемонстрировала нарастающую тенденцию к созданию нового типа интеграции. Однако до недавнего времени его впечатляющая динамика оказалась далеко не триумфальным шествием.

В литературе отмечается ряд судьбоносных вызовов и угроз Евросоюзу. Они были более или менее заметны и ранее, но в обстановке «бури и натиска» имели периферийный резонанс. После провала союзной Конституции «для Европы» по меньшей мере три из них оказались пробным камнем способности Евросоюза к стабильно восходящей перспективе.

Во-первых, как утверждал один из архитекторов единой Европы Ж. Монне, если бы он начал заново, то «начал бы с культуры». Речь идет прежде всего о трудностях формирования **типа** «доброго европейца» (Ницше), культуры европейскости<sup>11</sup>. Необходимо «углубление европейской идентичности и тем самым создание культурных основ для политической дееспособности... Поэтому имеет смысл определить общеевропейское самопонимание как скрепляющий момент большого Европейского Союза»<sup>12</sup>.

---

<sup>10</sup> Зидентроп Л. *Op. cit.* - С. 40, 279.

<sup>11</sup> Левяш И.Я. *Европейский дискурс Достоевский-Ницше* // Россия и современный мир. - М., 2006. - № 1.

<sup>12</sup> Вайденфельд И. *Куда идет Европа* // *Европа: смена вех?* - М., 2002. - С. 40, 41.

Великим богатством, но одновременно и серьезной проблемой на пути европейской интеграции, является многообразие культур европейских государств. Как заметил Ф. Кафка, «если бы французы по характеру своему были немцами, как бы тогда восхищались ими немцы!»<sup>13</sup>. Сегодня отмеченное Ф. Ницше «маскулинное» начало немецкого гения подавляется переживанием исторической вины, а «фемининные» партнеры Германии по ЕС обнаруживают темперамент амазонки. В принципе, отмечают эксперты, французы привыкли рассматривать ЕС как Большую Францию и не склонны к компромиссам. В свою очередь, партнеры Франции по ЕС не всегда понимают, чего она хочет, или с трудом приемлют ее подходы.

Подмена Брюсселем «цветущей сложности» европейских культур «маршеллюбием» (Солженицын) вызывает отторжение. Ранее этот процесс камуфлировался практикой мультикультуральности «без берегов», правом Другого на свой устав в европейском «монастыре». И аз воздам - обострение исламистской угрозы. «Европа становится новым рубежом для ислама» (Ж.-П.Чесне). Это верно, если речь идет не об исламе, а воинствующем исламизме. Но в буквальном пламени латентной «гражданской войны», которая недавно охватила Францию, трудно отделить овец от козлищ.

Второй вызов Европе заключается в том, что «мы все больше молимся на алтарь экономического роста, а не гражданских ценностей... либеральная демократия в Европе смиряется с тиранией экономических категорий...»<sup>14</sup>. Сфокусированная по преимуществу на общих экономических интересах, интеграция удерживала на периферии интересов и ценностей не только культурную, но и **гражданскую** консолидацию Европы. До сих пор она разворачивается по преимуществу «сверху», как конструкция политических элит - федерация государств, а в радикальном варианте - и сверх-государство, «держава Европа». В той мере, в какой приоритет отдается идее и практике

---

<sup>13</sup> Кафка Ф. *Америка. Процесс. Из дневников.* - М., 1991. - С. 435.

<sup>14</sup> Зидентроп Л. *Op. cit.* - С. 270.

сверхцентрализации, подрывается доверие к демократии. Она является фасадом, «за которым скрываются другие, более зловещие силы». Реальность такова, что для европейского федерализма необходима «культурная однородность, по меньшей мере в гражданской сфере»<sup>15</sup>. Такова предпосылка Конституции не «для Европы» как проекта «сверху», а Конституции Европы как консенсуса «снизу» - не только политического со-общества, но и **со-общности**<sup>16</sup>.

Тем не менее, обратной дороги нет, а если есть, то на ней «скрываются более зловещие силы». Поэтому самая трудная формула - национальная независимость - насколько возможно, международные обязательства - насколько необходимо. Необходимо, пишет германский политолог У. Бек, «преодолеть понимание... родины, отделенной и противостоящей культурно „другим“ народам, и заменить его ощущением **двуетного отечества**, оба элемента которого возможны и необходимы»<sup>17</sup>.

В-третьих, коллизия с Конституцией Евросоюза обнаружила разрыв между его декларируемым универсализмом и евроцентричной практикой. Менее ста лет тому назад О. Шпенглер иронизировал: «По этой схеме страны Западной Европы являются покоящимся полюсом, вокруг которого скромно вращаются мощные тысячелетние истории и далекие огромные культуры... Отсюда устанавливается их значение и **перспектива**. Но в действительности это голос... тщеславия западноевропейского человека»<sup>18</sup>. Для Брюсселя это уже не перспектива, а реальность. В базовом тексте ЕС, Лакенской декларации, утверждается, что объединенная Европа уже (!?) «заняла лидирующую позицию в новом мировом порядке». Она «способна играть стабилизирующую роль в мировом масштабе и указывать пути развития многим странам и народам»<sup>19</sup>.

---

<sup>15</sup> *Ibidem.* - С. 180, 181, 270, 271.

<sup>16</sup> Этциони А. *От империи к сообществу.* - М., 2004. - С. 255.

<sup>17</sup> Бек У. *Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль-XXI.* - 2004. - №7. - С. 8.

<sup>18</sup> Шпенглер О. *Закат Европы.* Новосибирск, 1993. - С. 50-51.

<sup>19</sup> *Laeken Declaration*, 2001.

В отличие от таких фанфар, Э. Этциони определяет ЕС как **квази-интеграцию** и главную причину усматривает «...в ошибочности либеральной модели»<sup>20</sup>. Ее выразительный портрет предстает в статье французского политолога Б. Кассэна «Рождение АО „Европа“»<sup>21</sup>. Есть «Европа мифическая и есть Европа реальная», и процесс евростроительства сводится к институциональному оформлению «АО Европа» и его слиянию с незримой *World Company*. «Обустроивается Европа..., все более удаляющаяся от „модели“, которую она должна была по идее воплощать». Даже ультралиберальный британский *The Economist* вопрошает: «Чему служит такая Европа, которая на поверку оказывается *копией* Соединенных Штатов» (12.02.2000). По оценке А. Турена, во Франции либерализм был «неприемлемым, и тогда нашли другое слово – Европа».

Как показало широкое «нет» Евроконституции, она создавалась в первую очередь для Европы корпораций и в последнюю - для человека труда. За его счет пытаются решить острую проблему конкурентоспособности Западной Европы. Поэтому уместно напоминание: «Неспособность государств континента построить прочную социально-экономическую систему не раз ставила под угрозу саму европейскую цивилизацию»<sup>22</sup>. Этот знак беды - с позиций выверенной традицией европейскости, которая императивно, под угрозой социального взрыва, взыскует **социализации**.

Сегодня кажется конфузозом адресованный Евросоюзу комплимент его политике «терпеливой руки»<sup>23</sup>. Характерно, что отец Евроконституции В. Ж. д'Эстен признал, что за два месяца до референдума во Франции «заклинал» Ж. Ширака «не делать этого», но мотивировал тем, что население все равно не спо-

---

<sup>20</sup> Этциони А. *Op. cit.* - С. 252, 253.

<sup>21</sup> Кассэн Б. *Не ожидая построения федерации. Рождение АО "Европа"*, <http://www.monde-diplomatique.fr/ru/2000/06/01europe>.

<sup>22</sup> Хаттон У. *Op. cit.* - С. 78.

<sup>23</sup> Мацонашвили Т. *Введение. Европа в поиске пути к новому мировому порядку* // Европа: смена вех? - М., 2002. - С. 38.

собою разобраться в 400-страничном документе<sup>24</sup>. Но ветер дует не потому, что деревья качаются, и такое неведение глубинных причин фиаско поразительно. Т. Блэр прав: «Изменилось вот что - управлять Европой, как раньше, больше нельзя».

Тем не менее заметим: слухи о смерти Евросоюза сильно преувеличены. Полвека для реализации такого беспрецедентного проекта - это возраст инфанта, и «детскую болезнь» радикализма ЕС можно понять, хотя и нельзя принять. Он ищет свою идентичность, но пока - еще двуликий Янус, который не пришел к сущностному выбору между **американизацией** и **европейскостью**. Момент, когда Европа должна проявить свою **зрелость**, еще не настал.

Главное же в том, что реальный масштаб амбиций явно не соответствует панъевропейскому измерению семантики «единой Европы». Европа-I - это далеко не вся Европа. Пока нет смысла определять ее как подсистему **действительно единой** Европы: такой целостности еще нет, а иные ее составные находятся в досистемном, агрегатном состоянии. Ей еще предстоит кристаллизация и структурирование. Тем более опыт ЕС не готовая партитура, которую остается педантично исполнить народам Европы. Выражая объективную **тенденцию** прорыва Европы к новому качеству своего бытия, Евросоюз - со всеми плюсами и минусами - не избавляет от необходимости самостоятельного, творческого решения проблем интеграции других европейских суперрегионов.

## 2. Дилемма «расширение/объединение Европы»

*Концепция интеграции оказалась разорванной  
между расширением Союза и его углублением<sup>25</sup>*  
В.Ж. Д'Эстен

С вступлением в Евросоюз десяти государств Центральной Европы пройден этапный рубикон. Среднеевропейский суб-

---

<sup>24</sup> См.: Лукьянов Ф. *Эта неудобная демократия* // Московские новости. 17-23.06.2005.

<sup>25</sup> Д'Эстен В. Ж. *Крах одной идеи* // Европейское время. - Мн., 1995. - №3.

континент отныне рассматривается как относительно самостоятельный суперрегион – условно *Европа-2*, которая призвана сыграть значимую роль не только в посткоммунистической трансформации, но и во многом воздействовать на жизнеспособность и эволюцию Европейского Союза в целом.

Однако, прибегая к образу Экзюпери, одни строители полагают, что укладывают камни, другие что возводят Собор. Так или иначе - они строят, и имя этого процесса - **европеизация**. Если европейскость - интегральное качество, условно говоря - состояние организма, то европеизация - **экс-тенгальный** процесс, его структурно-технологическая организация. Она представляет собой взаимодействие трех механизмов, работающих в тесном взаимодействии: правовые обязательства стран, вступающих в ЕС; объективные изменения в экономической структуре; изменения во взглядах людей, которые стимулируют к принятию европейских норм в бизнесе, политике и гражданском обществе. Вопреки брюссельской стратегии «нетерпеливой руки», «...глубокие изменения, достигаемые через реальную трансформацию личности и ее интересов, можно ожидать только как результат социализации в более отдаленной перспективе»<sup>26</sup>.

Такое «запаздывание» вызревания европейски мыслящей и действующей личности в принципе сдерживает процесс европеизации, но ключевой вопрос - в его амбивалентном смысле и направленности. Один из духовных «отцов» ЕС Ж. Делор писал, что «...европейский идеал сегодня - это уже не просто идеал, это насущная потребность... Мы можем выбирать только между объединением Европы и ее упадком»<sup>27</sup>. Но он еще не знал, что «объединение» включает в себе возможность «раздвоения единого». В одной своей ипостаси европеизация предстает как цивилизационный проект, или дальнейшая вестернизация Европы путем ее **расширения**, в другой - как

---

<sup>26</sup> Эмерсон М. *Op. cit.* - С. 45.

<sup>27</sup> Цит. по: Хаттон У. *Op. cit.* - С. 373.

культуротворческий проект, или возрождение многообразно выраженной европейскости путем **воссоединения** Европы.

С этих позиций попытаемся ответить на вопрос: в чем принципиальная новизна экспансии ЕС в сравнении с архетипичным для Европы цезаревским *Rubicon transeo!*? Движение ЕС на Восток - естественно-исторический процесс, обусловленный общей закономерностью: «В ходе эволюции выживают только те виды, которые увеличивают разнообразие вещества и скорость миграции»<sup>28</sup>. Однако скорость - понятие не только относительное, но и не самоцельное и должно подчиняться логике процесса. В логике расширения ЕС - это ускорение в форме «Большого взрыва» и в итоге - **симбиоз**, т.е. еще не органическое единство интенсивно развивающегося «старого» Союза с экстенсивной «новой» ЦЕ. Такой комбинации присущ максимум неопределенности, болезненная напряженность сращивания разнопорядковых тканей. Но ставка слишком высока: срыв Проекта чреват утратой возможности панъевропейской перспективы.

Ныне ключевая проблема - в приоритетности тех или иных европейских смыслов, институтов и технологий этого процесса. Однако «ЕС не имеет нового проекта, чтобы самоопределиться и определить свою будущую роль и структуру после расширения»<sup>29</sup>. По сути «Великое единение» на новом витке воспроизводит нарастающее соперничество между вестернизированной и социальной моделями капитализма.

Глобальная геопрагматика расширения Европы совпадает с американской стратегией укоренения в Европе-2 варианта капитализма столетней свежести. В экономическом плане она идентична интересам значительной части властных элит «новой» Европы к «быстрым деньгам». По мнению Б. Кассэна, расширение ЕС не «оставляет места мечтам - это лишь разновидность процесса либеральной глобализации, подчиненная

---

<sup>28</sup> Вернадский В. *Жизнеописание. Избранные труды.* - М., 1993. - С. 160.

<sup>29</sup> W. Weidenfeld (ed.), *A New Ostpolitik - Strategies for a United Europe*, London, 1997, p. 93.

требованиям финансовых кругов и крупных корпораций». Американский политолог Ф. Закария пишет, что здесь «сложилась откровенно... антидемократическая модель общественного устройства», и управление «отдано в руки горстки крупных бизнесменов, жиреющих лишь за счет поддержания близких отношений с политическими лидерами»<sup>30</sup>.

Тем не менее направленность дальнейшей эволюции нельзя сводить только к геополитическим расчетам и экономическим интересам, в которых ЦЕ - только объект масштабных манипуляций. Значительна и ее спонтанная и досистемная, но реальная **субъектность**, которая в особенности заметна на крутых поворотах пути. Кардинальные сдвиги в центре Европы - также результат «воздействия внутренних трансформаций в странах ЦВЕ... Именно демократические революции предопределили новую расстановку сил в Европе, структуру экономических и политических отношений между европейскими государствами, дали толчок к формированию... архитектуры европейской безопасности»<sup>31</sup>. Вектор этих сдвигов во многом определяется уже ментально освоенным опытом десятилетий жизни в пространстве «реально» деформированного, но все же социализма. Не случайно немецкие эксперты утверждают, что имеют дело с «двумя германскими нациями». Характерно, что, когда советская диссидентка Л. Богораз в интервью с участниками и жертвами вторжения армий ОВД в Чехословакию предложила альтернативу: «**Либо** социализм, **либо** человеческое лицо», выяснилось, что «эксперимент нельзя считать чистым: он был нарушен вмешательством извне. Неизвестно, к чему пришли бы чехи и словаки»<sup>32</sup>.

Европа-2 уже прошла «краткий курс» не только «реального социализма», но и проходит курс «шоковой терапии»

---

<sup>30</sup> Закария Ф. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами*. - М., 2004. - С. L-LI.

<sup>31</sup> *Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки. Доклад ИМЭПИ // Мировая экономика и международные отношения*. - 2000. - №5. - С. 11.

<sup>32</sup> Шинкарев Л. *Вторжение в Чехословакию: 30 лет спустя // Известия*. 21.08.1998.

неолиберального капитализма. В докладе экспертов отмечается, что к концу 90-х годов в новых государствах ЦЕ более ста миллионов человек имели доход меньше 4 долл. в день, тогда как в конце 80-х годов к этой категории относилось лишь 14 млн. человек<sup>33</sup>. В этом ареале 1/5 населения повысила свой жизненный уровень, но почти 1/3 превратилась в «новых бедных». Произошло размывание среднего класса. В Польше, Чехии, Словакии, Венгрии и Словении доходы 10% самых богатых семей превысили соответствующий показатель самых бедных в 4,5-5,5 раз, а в Болгарии - в 10 раз. Безработица в 1989-1999 гг. возросла с 1,5-2% до 10-14%<sup>34</sup>.

Западноевропейский бизнес вынужден развивать социально ориентированную экономику у себя «дома». Но в ЦЕ он прибегает к неолиберальным технологиям. Так, в режиме «свободного рынка» крестьянство поняло странную цену своей плодородной земли (в 8-10 раз дешевле, чем в странах «старого» ЕС). Здесь говорят: «Вчера нам диктовала Москва, сегодня – Брюссель» и горько шутят, что «скачок в рынок напоминает прыжок в бассейн, в который еще не налили воду». В целом страны ЦВЕ «свои позиции сдали», и она «переживает сейчас новый этап периферизации, даже попав в заветный Европейский Союз»<sup>35</sup>.

Результирующая такого прессинга и отката в массовом сознании фокусируется в **евроскептицизме**. Это устойчивый и многоликий феномен, который обретает разные по форме и интенсивности образы в «старой» и «новой» Европе, в каждой из входящих в них стран. Но повсюду неотвратимо действует принцип: «Чем шире половодье, тем мельче вода» (Кафка). Вступление в ЕС новых государств означает новые проблемы для «старого» ЕС. В докладе Еврокомиссии (2001) отмечалось, что если провести референдум на тему о том, хотят ли жители стран ЕС, чтобы к ним присоединились сегодня или завтра

---

<sup>33</sup> *Human Development Report for Europe and CIS*. Regional Bureau for Europe.

<sup>34</sup> См.: *Десять лет...* - С. 6.

<sup>35</sup> *Антиглобализм и альтернативная глобализация // Свободная мысль-XXI*. - 2005 - № 8. - С. 72.

восточноевропейские народы, то около 60% выскажутся против. Под этим углом зрения итоги референдума по Конституции - это во многом «проявление эгоистического интереса сытой, довольной своей жизнью... Европы, недовольной тем, что к ней присоединили невесть кого»<sup>36</sup>.

Такое неведение не столь тривиально, как кажется в Брюсселе. В. Гавел был одним из первых, кто в книге «Сила бессильных» (1978) проницательно заметил, что посткоммунизм - это полустанок, за которым - более достойное социальное устройство. «Сила бессильных» - в поиске иного пути, несовместимого не только с тоталитарной диктатурой, но и с «потребительским обществом». Движение со-общества, а не «атомарных» индивидов, движение за синтез общественных и частных свобод - таков центральноевропейский вариант «третьего пути» - великого компромисса между рыночными отношениями и социальной справедливостью.

Имя этого компромисса - **солидаризм**. Папа Иоанн Павел II подчеркивал, что «личность в полной мере реализуется лишь в ее отношении к ближнему, к окружающему ее сообществу»<sup>37</sup>. Он неоднократно заявлял, что неолиберальный капитализм не должен служить образцом для стран Восточной Европы. Такую позицию занимают все конфессиональные структуры<sup>38</sup>.

Кратко говоря, народы новых государств-членов ЕС не приемлют европеизацию любой ценой, точнее - ценой **периферизации**. Они взыскуют Большой Европы в той мере, в какой она удовлетворяет их потребности не в переделе власти и собственности, а в свободном труде и благополучии, социальном общежитии, не подавляющем личность, достойном месте в семье европейских народов. Такой выбор совпадает со смыслом европейскости, но отторгает европеизацию как экспансию вестернизации.

---

<sup>36</sup> *Ibidem.* - С. 80.

<sup>37</sup> R. Wójtowicz, *Człowiek i wspólnota w ujęciu Karola Wojtyły* // Sofia. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich, Rzeszów, 3/2003, s. 201.

<sup>38</sup> *Служите Богу, а не богатству*. - Будапешт, 2001. <http://www.wcc-coe.org/wcc/what/jpc/buda-statement.html>.

Ценностно-смысловая переоценка этого противоречия в ЕС запаздывает и происходит буквально «на марше». Тем не менее она происходит. Так, представитель Франции в конституционном Конвенте П. Лекийе подчеркивал, что «народы востока Европы... освободили нас от Ялты и Берлинской стены... Уже сейчас наши соглашения... выгодны для нашего экспорта... Европа переживает исторический период, прежде всего благодаря расширению, которое я предпочитаю назвать **объединением** Европы... возвращение в Европу восточной части европейского континента уже сейчас служит на благо всем - как им, так и ветеранам ЕС»<sup>39</sup>.

Действительно, в отличие от цезарианского привкуса «расширения», опорные понятия **возвращение**, **воссоединение** более адекватно выражают искомый смысл и органический характер взаимосвязи европейскости с европеизацией. С этих позиций вступление центральноевропейских народов в ЕС - это восстановление исторической справедливости, заново открытие забытой и - в контексте Мюнхенского сговора - преданной Западной Европой ее «законной сестры». На международной конференции в Братиславе (2001) В. Гавел подчеркнул: «часто говорится о том, что мы относимся к Западу... разделяем западные ценности... Мы воспринимаем это как вопрос... исправления давнего соучастия Запада в разделе Европы, но и как вопрос его жизненных интересов...»<sup>40</sup>.

Инновационная и, как заметил бы классик, архитрудная проблема заключается в способности Большого ЕС совместить **воссоединение** Европы и **углубление** интеграции, эволюцию не только вширь, но и вглубь. Конечно, отмечает Хаттон, было бы «мудрее и легче», если бы эстенсивная составная ЕС наращивалась поэтапно. Если же это произошло в форме «Большого взрыва», то высока вероятность, что «нынешние структуры Союза... не смогут функционировать должным образом...

---

<sup>39</sup> Франция и Европа. Реферативный обзор. Европа в мировой политике. - М., - 2003. - № 4. - С. 212.

<sup>40</sup> Вацлав Гавел как европейский оракул // Независимая газета. 21.06.2001.

Вместе с тем, прием новых членов - это стимул для проведения реформ в ЕС»<sup>41</sup>.

Что же далее? До референдума по Конституции ответ на этот вопрос был вполне мажорным. Ж. Делор заявлял о том, что ЦЕ - это не конечный пункт назначения ЕС, а «открытый авангард без стен». Щедро выдавались авансы на вступление в ЕС целой группе государств. К примеру, такой «час истины» для Румынии и Болгарии - 1 января 2007 г. Но это - пастораль в сравнении с настойчивым стремлением Брюсселя заполучить Турцию в ЕС и авансами Украине и Молдавии. Такой неумеренный аппетит стал одной из причин провала Конституции и требует диеты. Ее жесткие дозы прописывают многие эксперты. Стали общим местом предупреждения, что если ЕС примет в свои ряды Турцию, то ему придется принимать и Украину, Молдавию и Белоруссию. Процесс расширения (за исключением Румынии и Болгарии) не просматривается даже в среднесрочном плане.

Гордиев узел проблемы заключается в том, что ЕС «придется сделать выбор: или продолжать процесс расширения, пока организация не станет неуправляемой, или лишиться одного из своих краеугольных принципов открытости для всех европейских демократий... следует заново определить самую сущность и формулу организации». Понятия «расширенная Европа», «политика добрососедства» обретают новый смысл и свидетельствуют «о стратегически важных инициативах»<sup>42</sup>. «Расширение» ЕС видится уже не как членство, а **добрососедство** Центра с периферией.

Что означает этот термин? Не является ли он последним шедевром цивилизационно-геополитического новояза? Н. Дэвис демистифицирует его латентный смысл: «Рано или поздно Европейское сообщество... должно будет переопределиться, вновь обозначить свои границы и своих союзников... Где-то между глубинной Россией и сердцем Европы нужно будет

---

<sup>41</sup> Хаттон У. *Op. cit.* - С. 387-388.

<sup>42</sup> Эмерсон М. *Op. cit.* - С. 41-42.

установить новую разделительную линию - надеюсь, что это будет граница мира»<sup>43</sup>.

Степень вероятности такого допущения обратно пропорциональна постулату «разделительной линии» и колониальному смыслу границы как **фронттира** (англ. *frontier* – граница), «пограничья» между цивилизацией и варварским миром. Эволюция содержания этого термина позволяет ввести его в научный дискурс как **коммуникацию** между ценностно-смысловыми основаниями подсистем действительно единой Европы.

### 3. Евразийское содержание и европейская сущность России

*Россия – наследница тоталитарной Азии; ее ценности несовместимы с ценностями Европы*

О. Халецки<sup>44</sup>

*Ни Россия в будущем не сможет жить без Европы, ни Европа без России*

Иоанн Павел II<sup>45</sup>

Вынесенные в эпиграф взаимоисключающие суждения по-прежнему свидетельствуют об открытом характере сформулированной Киплингем проблемы: Россия – самая восточная Европа или самая западная Азия? Альтернатива такова: Россия - **внешняя** для Европы или объективная реальность - **европейская идентичность** России? Логика этой дилеммы неотделима от исторической эволюции реальной роли России в Европе, и в рамках статьи остается отослать читателя к необъятной литературе<sup>46</sup>.

В этом космосе наиболее проблематичны не «линейные» «западники» и «славянофилы», их сиамские близнецы на «Западе» и даже не претендующие на смысловой синтез евра-

---

<sup>43</sup> Дэвис Н. *История Европы*. - М., 2004. - С. 848.

<sup>44</sup> Островски К., Тюни Г. *Три политические культуры в Европе* // Социс. - 1998. - №2. - С. 22.

<sup>45</sup> Карлов Ю. *Наши люди в Ватикане* // Независимая газета. 6.04.2005.

<sup>46</sup> Левяш И.Я. *Культурология*. Изд. 5. Гл. 12, 13. - М., 2004. - 554-574.

зийцы. В контексте современных исканий идентификации и самоидентификации России наибольший интерес представляют мыслители, издавна озабоченные **амбивалентным** отношением России к Европе. Еще в 1620 г. шведский ученый И. Ботвид в докторской диссертации обсуждал вопрос: «Являются ли москвиты христианами?» (король Швеции почтил своим присутствием ее защиту)<sup>47</sup>. Однако доминировавшей тогда была тема не культурной идентичности, а **цивилизованности** русских. Считалось, что они не достигли нормативного европейского уровня, и подчеркивалось их **варварское** состояние, недостаток цивилизованности. Впрочем, Дж. Мильтон называл Московию середины XVII в. «самым северным регионом Европы, который можно признать цивилизованным».

В XVIII-XIX вв. имидж России продолжал оставаться двусмысленным. Г.В. Лейбниц называл русских «крещеными медведями». Ж. де Местр впервые выдвинул идею о том, что историческая судьба России пока **не определена**. А. де Кюстин совершил путешествие в Россию и заключил, что ей еще «предстоит угадать партию своей национальной карьеры». Отрезанная от Европы христианским расколом и татарским нашествием, она не стала ее частью. Но «у народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, кто не может быть другим»<sup>48</sup>.

Вслед за этим прозвучал знаменитый вопрос Гоголя, адресованный российской «птице-тройке»: «Куда несешься ты?». И это после того, когда российский маятник, пройдя дантов круг «татарщины», державною волею Петра Великого, казалось бы, определенно устремился в европейском направлении. Рубежным событием появления России на европейской сцене стало основание Санкт-Петербурга как **окна в Европу**. Впервые эта метафора прозвучала в письме друга Вольтера, графа Ф. Альгаротти лорду Гарвею в 1739 г., который

<sup>47</sup> См.: Мережковский Дм. *Большая Россия*. - Л., 1991. - С. 197.

<sup>48</sup> Кюстин А. де. *Россия в 1939 году. Резюме путешествия* // Вопросы философии. - 1994. - №2. - С. 98, 103-104.

поведал «об этом новом городе, об этом великом окне, недавно открывшемся на севере, через которое Россия глядит на Европу». Но Россия не только «глядела», но и все более становилась **Евровостоком** во всесторонних - экономических, политических и культурных - связях со всей Европой.

Когда на рубеже XVII-XVIII вв. металлургическая промышленность Европы зашла в тупик после исчерпания лесных запасов (сталь плавилась на древесном угле), железоделательные заводы Урала спасали ее от «железного голода» до тех пор, пока в Англии не была освоена технология доменного производства на коксующемся угле<sup>49</sup>.

Россия «держала» равновесие между старой и новой Европой. Бурбоны (Людовик XVIII и его племянник Герцог Ангулемский) с 1805 г. до 1814 г. девять раз скромно просили у императора Александра I помощи, «службы» или прямого «покровительства» - и неизменно встречали отказ или молчание. Александр титуловал Людовика XVIII в своих ответных письмах не «братом» и не «величеством», а просто «графом»<sup>50</sup>.

Возможно, казаки в Париже не подарок, но без России был бы невозможен слом наполеоновской империи «на острие штыка», и это объективно способствовало консолидации «Европы отечеств». Известна роль России в объединении германских княжеств. Канцлер Вильгельм I прислал Александру II телеграмму с признанием, что Германия обязана своим объединением только России. Интересно, что Бисмарк заклинал никогда не воевать с Россией и трактовал отношения с ней в «семейном» духе: «Тевтоны – муж, славяне – жена»<sup>51</sup>.

Сформировавшаяся в Европе теория «четырех монархий», согласно которой ее культура, пройдя античный, византийский и западноевропейский «круги», завершается в России, была подхвачена Петром и его преемницей Екатериной Великой. Ее беседы с Дидро и переписка с Вольтером - это плод не

---

<sup>49</sup> Шоно П. *Цивилизация классической Европы*. Екатеринбург, 2005.

<sup>50</sup> Ильин И. *Наши задачи*. - В 2 - т. Т.1. - М., 1992. - С. 80.

<sup>51</sup> Розанов В. *Избранное*. - Мюнхен, 1970. - С. 418.

только их иллюзий о «просвещенной монархии» на востоке Европы, но и фундаментальных реалий. Санкт-Петербург стал одной из признанных культурных столиц. «Все флаги» устремились сюда - ученые, художники, архитекторы, философы, включая И.Г. Фихте (кстати, он стал отцом немецкого национализма лишь после того, как ему было отказано занять должность профессора в Российской академии наук).

Однако иллюзии неуместны. Материальные и социальные технологии в России оставались буквально «демидовскими», и Петр I, повернув державный корабль в европейском направлении, был далек от **панъевропейской** идеи. Об этом свидетельствует его заявление: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Такая выразительная поза приводила к тому, что имперская Россия снискала себе репутацию «жандарма Европы». В конечном счете - поставленный Кюстином диагноз: «Они страдают одновременно и от варварства, и от цивилизации»<sup>52</sup>.

Хорошо известно, что и XX век оказался новым впечатляющим витком уже архетипичной амбивалентности России. Нестор американской цивилизации М. Лернер пишет, что «до сих пор русским удавалось избежать ошибки отождествления себя с Западом, что оттолкнуло бы Азию. Их преимущество в том, что они обращены и к Европе, и к Азии и поэтому имеют возможность апеллировать к каждой»<sup>53</sup>.

Таким образом, в мире остаются влиятельными не только «прописка» России в Европе или вне ее, но и версия России по аналогии со строением некоторых планетарных систем с **двумя** солнцами, применительно к России - европейским и азиатским. Крайне напряженный вопрос в том, является ли такая противоречивая идентификация **уникальным** феноменом?

В свое время Гете вопрошал: *Deutschland? Aber wo liegt es? Ich weiss das Land nicht zu finden* («Германия? Но где она? Я не могу

---

<sup>52</sup> Кюстин А. де. *Op. cit.*, - С. 87, 97.

<sup>53</sup> Лернер М. *Развитие цивилизации в Америке: В 2 т.* - М., 1992. - Т.2. - С. 472.

найти этой страны»). Аналогичный вопрос по-прежнему актуален и для некоторых западноевропейских стран. Проблема «буриданова осла» затрагивает государство, которое принято считать эталоном определенности и стабильности, - Великобританию. Тем не менее английский философ Р. Скраттон ставит вопрос: «Являемся ли мы нацией, территорией, объединены ли мы по языковому, культурному, имперскому признаку или только идеей?». С его точки зрения, у России и Великобритании намного больше общего, чем может показаться на первый взгляд. История России начинается с легендарного «призвания варягов». И в Англии на смену англосаксонским королям пришли норманны. Позже в обоих государствах сложилось тройное этническое ядро - русские-украинцы-белорусы и англичане-валлийцы-шотландцы. Россия и Англия - на географических перекрестках: первая - на стыке между Азией и Европой, вторая - между Европой и Америкой. Обе страны испытали шок от потери своих империй, хотя для Англии это уже перевернутая страница истории, а для России - свежая рана. Сильное влияние на состояние национального самосознания оказывает сепаратизм - Северная Ирландия и Чечня. Британцы пытаются разобраться в «российстве» и «русскости», а в России - различить «британство» и «англичанство». «Британские евроскептики, атлантисты - это по сути дела российские западники. Первые боятся, что Британия станет провинцией Европы, а вторые - что Россия скатится в некую азиатчину. Британские евроэнтузиасты опасаются, что их страна станет 51-м штатом США, а славянофилы - что Россия превратится в задворки Европы»<sup>54</sup>.

Стоит заметить, что идентификацию России во многом определяет не только объективная дуальность ее содержания, но и не менее устойчивый субъективный, точнее - ментальный фактор. Его происхождение точно выражается семантикой

---

<sup>54</sup> Громько А. *Великобритания - ЕвроАмерика западного мира* // Независимая газета. 7.06.2001.

понятий **пред-рассудок**, **пред-убеждение**, т.е. некий бессознательный комплекс, который обуславливает наши симпатию или антипатию к тем или иным субъектам, независимо от их сути и поведения.

Поскольку в симпатиях к России, ее народу и его культуре, никогда не было и нет дефицита, есть смысл акцентировать и стабильную антипатию - даже после того, как современная Россия отреклась от «старого мира» и все более определенно поворачивается к Европе не по-петровски, а лицом. Характерный сюжет приводит немецкая журналистка Г. Кроне-Шмальц, автор нескольких книг о России. Когда американцы покинули встречу в верхах по поводу Киотского протокола, а представители России еще оставались, прозвучал вопрос: «Проблема - это русские?». Ответ: «Русские - всегда проблема»...»; «одни и те же чувства мы называем у американцев патриотизмом, а у русских национализмом...Есть ли на свете еще какая-либо страна, кроме России, в чью внутреннюю и внешнюю политику мы вмешиваемся с такой бесцеремонностью?»<sup>55</sup>.

Имя этого предрассудка - **русофобия**, и она напоминает ставшую афоризмом реплику Геринга: «Когда я слышу слово „культура“, я хватаюсь за пистолет». Когда иные властители дум в Европе слышат слово «Россия», они хватаются за «единую Европу» - **без России** - и задают известный вопрос Ф. Миттерану: «Надо ли колонизовать Россию, чтобы ее цивилизовать?».

В России по таким поводам нередко «надувают щеки» и торопятся повернуться к Европе «своею азиатской рожей». Но важно не плакать и не смеяться, а понять. Нет спора о достойном месте российской «сверхкультуры» в общеевропейском ансамбле культур. Классическая российская самоидентификация выражается ясным самоназванием - **русский европеец** (Достоевский), в котором слиты общеевропейский смысл и

---

<sup>55</sup> Кроне-Шмальц Г. *Политика мира: разум и преубеждения* // Независимая газета. 14.10.2005.

национальная «почва». По Бердяеву, европеизация не означает, что мы станем похожими на немцев или французов. Такое двуединство однотипно природе и структуре европейского КЦК. Ж.-Б. Дюрасел пишет, что «Европа владеет:

- своей национальной культурой;
- своей европейской цивилизацией»<sup>56</sup>.

Дискуссионным остается вопрос о месте России в европейской **цивилизации**. По смыслам культура и цивилизация вообще не совпадают<sup>57</sup>, и по-своему - в российском КЦК. Именно в их асимметрии, обусловленной конкретно-историческими обстоятельствами, следует искать источники проблемы и исход из нее.

Мне уже доводилось писать, что объективное противоречие между евразийской цивилизационной «почвой» и европейской культурной «солью» России предполагает осознанный выбор не между утопией и реальностью, а между разными по объему и смыслу **содержанием и сущностью, тенденциями и их вектором**. Включая в себя Азию, Россия сопричастна к ней, способна к ее пониманию и освоению именно как Европа<sup>58</sup>. Как культурный субъект, Россия - не азиатская, а **европейская** Евразия. «Европейскую культуру, - говорил Иоанн Павел II, - создавали мученики трех первых столетий, ее создавали также мученики на востоке от нас...»<sup>59</sup>. Д. Лихачев возвел такую ориентацию в социокультурный императив: «Бессмысленно спорить о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии... Русская культура... это культура единая... принадлежат европейскому типу культуры»<sup>60</sup>.

Добрый знак в том, что **европейскость** России ныне признают уже в Британии - традиционном оплоте евроскепти-

---

<sup>56</sup> Дюрасел Ж.-Б. *Европа с 1815 года до наших дней*. - Мн., 1996. (на бел.). - С. 366.

<sup>57</sup> См.: Левяш И.Я. *Культурология*. - С. 93-102.

<sup>58</sup> См.: Левяш И.Я. *Культурология, он же. Россия в XXI веке: между роком геополитики и императивом глобализации* // Россия и современный мир. - М., 2005. - №2. - С. 5-22.

<sup>59</sup> A. de Lazari (red.), *Dusza polska i rosyjska. Antologie*, Warszawa 2003, s. 411.

<sup>60</sup> Лихачев Дм. *Книга беспокойств*. - М., 1991. - С. 297.

цизма. С точки зрения У. Хаттона, «России пора пристальнее взглянуть на Европу... Если я не ошибаюсь, подходят к концу давние поиски Россией собственного набора ценностей, принципов и институтов, которые помогли бы ей организовать. Россия придерживается тех же ценностей, которые характерны для европейской социально-экономической модели»<sup>61</sup>.

Евразийский акцент на самоопределение России как цивилизации не отменяет проблемы **степени** цивилизованности, или императива нового модернизационного прорыва. Но, отмечает Г. Павловский, «модернизацию нам и Китай предложит - причем с выездом на дом... Нам нужна европеизация, а не только модернизация, то есть консолидация нации на основе европейского выбора»<sup>62</sup>. Эти смысложизненные ориентации все более, хотя и не без противоречий, находят свое выражение в определении приоритетов современной России в мире как Евровостока или **Европы-3**.

В таком контексте понятие «единая Европа», выработав свой эвристический ресурс, после вхождения в ЕС Европы-2 и в перспективе развития взаимоотношений с Россией как Европой-3 становится контрпродуктивным. Ныне это эвфемизм западноцентристской концепции и практики «расширения», а не воссоединения Европы. Назрела потребность в более емком и смыслообразующем концепте панъевропейского масштаба, способном выразить его действительно единый смысл, целостную структуру и указывать перспективный вектор ее развития. Взятые в совокупности, отмеченные признаки искомого концепта определяют его оптимальность - не в понятиях «больше/меньше» или «быстрее/медленнее», а с точки зрения синергии реального движения ко все более полному соответствию между целями/смыслами и структурами/функциями процесса. Это означает, что адекватным концептом представляется не «единая», а **триединая Европа**, неделимая общими

---

<sup>61</sup> Хаттон У., *Op. cit.* - С. XLIV, XXXVII, XXXIX.

<sup>62</sup> Павловский Г. *Путин останется лидером и после 2008 года* // Независимая газета. 8.04.2005.

интересами и ценностями, судьбой и перспективой нашего старого доброго континента.

#### **4. От «окна в Европу» к ассоциации России и ЕС**

*Порядок идей должен следовать за порядком вещей*  
Дж. Вико

Если, говоря гегелевским языком, теоретический разум приводит к интегральному (культурно-цивилизационному и геополитическому) концепту триединой Европы, то наступает время практического разума - способности «действовать со знанием дела» (Энгельс). А потребность действовать «здесь и сейчас» неотвратима: в 2007 г. истекает срок действия Акта о стратегическом сотрудничестве ЕС с Россией. Брюссель на перепутье: с одной стороны, Россия признается частью Европы, с другой - пока нет перспективного плана развития целостной Европы. Согласованные «четыре пространства» взаимодействия и символические «дорожные карты» больше напоминают «души прекрасные порывы», чем рабочую схему маршрута.

Многие эксперты объясняют ослабление интереса ЕС к формированию целостной Европы тем, что прежде всего нужно снять брюссельский корабль с рифов референдума. Однако пациент недомогает не потому, что у него повышенное давление. Застой на «восточном направлении» ЕС объясняется тем, что дальнейшая институционализация Большой Европы, ее стабильность и перспектива невозможны без ясного ответа на ключевой вопрос о реальной **субъектности** России в Европе.

Это вопрос, который в равной мере должен озадачивать не только Брюссель, но и Москву. Нельзя сказать, что в прагматическом плане нет поступательного движения. Об этом, к примеру, свидетельствуют стабильные энергетические мосты России, которые мало зависят от смены вех в тех или иных евростолицах. Однако такие мосты были реальны и для позднего СССР.

Действительная емкость проблемы не сводима к геоэкономическому сотрудничеству. Это проблема дефицита веберовского стратегического «глазомера», чрезвычайное «управление рисками» вместо **опережающего** управления, как **ценностно-рациональной** и в этом ключе - **целе-рациональной** деятельности. Это означает, что первостепенна потребность в возведении смысловых мостов интеграции и соответственно - ее структур и технологий.

Воспаленный нерв такого дискурса - его видение в пределах традиционной парадигмы жесткого противоречия между *realpolitik* и *universalis* - приверженности либо общим **интересам**, либо общим **ценностям**. ЕС отказывается от партнерства лишь на базе общих интересов и требует от России принятия общеевропейской системы ценностей.

**Демократия** - ключевая ценность и пробный камень приверженности России Европе. Но проект Конституции «для Европы» пронизан идеей сильной власти в форме ЕС как сверхгосударства. Одна из причин провала проекта - не в апелляции к сильной власти, а в нарушении ее **меры**. В политической мысли и практике по этому поводу существует стабильный консенсус. Э. Фромм, выясняя смыслы понятия «авторитарный» и связанную с ним ложную альтернативу «диктаторский, иррациональный авторитет или вообще никакого авторитета», писал: «Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность... Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми»<sup>63</sup>. К такому выводу пришел и отец американской исторической науки А. Шлезингер: «Сильное, деятельное правительство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура везде приходит на смену слабой и беспомощной власти»<sup>64</sup>. «Страшны, - пишет А. Солженицын, - не авторитарные режимы, а режимы, не отвечающие ни перед кем и ни перед чем». Значимый пассаж прозвучал в беседе М. Горбачева и Абалкина с М. Тэтчер.

---

<sup>63</sup> Фромм Э. *Человек для себя*. - М., 1992. - С. 17.

<sup>64</sup> Шлезингер А.М. *Циклы американской истории*. - М., 1992. - С. 357.

«Железная леди» напомнила ремарку де Голля: как трудно управлять страной, где производят 120 сортов сыра. Горбачев заметил: «Насколько труднее править страной, где 120 национальностей». «Особенно - если нет сыра», - заметил Абалкин<sup>65</sup>.

В свое время Ф. Достоевский поставил жесткий диагноз неуправляемости и как следствие - непредсказуемости России: «Тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал!... И летит, и стороны в почтительном недоумении народы... И дивятся другие народы... Если в эту тройку впряжен Чичиков, Собакевич, Ноздрев... то при каком хотите ямщике ни до чего хорошего не доедете. Не починить ли тройку? А для этого что - вникнуть и осмотреть...»<sup>66</sup>. Глубоко прав известный польский эксперт по русской культуре М. Брода, выражая солидарность с предложенной И. Солоневичем идеей демистификации загадки России-Сфинкса<sup>67</sup>. Философия «рационального авторитета», т.е. просвещенного демократического авторитаризма, - таково послание современной России «городу и миру».

Заслуживает внимания принципиальное различие в отношении к смыслу и технологиям демократизации России, с одной стороны, брюссельской бюрократии, и с другой - руководства в «твердом ядре» ЕС - в Германии и Франции. На саммите G8 в Гленикглсе (2005) Ж. Ширак заявил, что после Горбачева и Ельцина «все, что делает президент Путин, правильно». Уже после отставки Г. Шредера государственный министр германского МИДа А. Розе подтвердил, что, вопреки дискуссиям, «в этой сфере присутствовала политическая последовательность: германские, а впоследствии и европейские политики поддержали ответ Путина на трагедию в Беслане»<sup>68</sup>. Заметим по контрасту: А. Меркель во время визита в США в начале 2006 г. поставила Дж. Буша в трудное положение публичной озабоченностью пытками реальных

---

<sup>65</sup> Брутенц К. *Развал Союза // Свободная мысль-XXI*. 2005. - №1. - С. 169.

<sup>66</sup> Достоевский Ф. *Полное собрание сочинений в 30 т.* - Л., 1976. - Т.15. - С. 351.

<sup>67</sup> Брода М. *Русские вопросы о России*. - М., 2005. - С. 297.

<sup>68</sup> Розе А. *Доверие к газопроводу будет восстановлено // Независимая газета*. 20.12.2005.

или мнимых террористов на базе Гуантанамо. На переговорах же в Москве акцентировались общеевропейские интересы. Казалось бы, главное - **преимственность**, говоря словами канцлерин, «важного стратегического партнерства» с Россией. Политобозреватели дружно сетуют на дефицит «дружбы», но зачем эта бесценная в личных отношениях и сомнительная в отношениях между государствами патриархальная «ценность»? Россия уже прошла ее горбачевско-ельцинский «краткий курс».

Главное в том, что интеграция России и Европы «не может быть неким великодушным подарком... Запад заинтересован в России не меньше, а возможно, и гораздо больше, чем Россия в Западе»<sup>69</sup>. В этом дискурсе бессмысленно отделять интересы от ценностей. Конструктивный исход видится в том, чтобы выйти за пределы дурной бесконечности *realpolitik* contra *universalis* к синтезу триединой Европы. В России зреет понимание того, что наше отношение к провалу Евроконституции - не «радующегося третьего», а доброжелательного партнера, который - в полном согласии с европейским электоратом - заинтересован в дальнейшей институционализации ЕС не как сверхгосударства, а «Европы отечеств». В. Шнейдер-Детерс, эксперт Фонда Ф. Эберта, отмечает, что Россия желает сохранить за собой право на самостоятельное определение своей внутренней и внешней политики. «Однако Россия не желает быть „исключенной“ из Европы». ЕС нужен России для собственной модернизации, и одна из целей ее среднесрочной стратегии - «мобилизовать потенциал ЕС на благо развития России»<sup>70</sup>.

Кардинальный вопрос: как этого добиться? Рубикон 2007 г. обязывает к рациональному выбору среди различных сценариев. Заведомо оптимистические из них можно оставить

---

<sup>69</sup> Лозанский Э. Поезд интеграции еще не ушел // Московские новости. 13-19.01.2006.

<sup>70</sup> Шнайдер-Детерс В. К конкретизации концепции «Большой Европы» // Полис. - 2000. №6. - С. 94, 95.

безоглядным западникам<sup>71</sup>. Более многозначен сценарный расклад Т. Гомара, руководителя Программы России и стран СНГ Французского института международных отношений (Париж). Наиболее вероятным эксперт полагает «обоюдное игнорирование» России и ЕС. Во втором варианте Россия и ЕС рассматривают свое партнерство в качестве средства разделения влияния в Европе. Наконец, Россия и ЕС могут реально объединить 600 млн. людей, создающих 21% мирового благосостояния и использовать этот потенциал, чтобы повлиять на ход международных дел. Гомар считает, что это наименее вероятный сценарий, но убежден, что только его реализация позволит «поднять наше партнерство на истинную высоту». Он не исключает этого варианта при условии «повзросления» России: ей необходимо «определиться со степенью желательной и желаемой интеграции на ближайшие десять, двадцать, тридцать лет. Не стоит упускать этот шанс, пока нам еще позволяет возраст»<sup>72</sup>. Есть смысл прислушаться и к А. Рару, директору программы России и стран СНГ Германского Совета по внешней политике. Он выражает понимание, что «сегодняшняя Россия не войдет в теперешний ЕС». Но «в условиях глобализации Россия сможет выжить только как часть Европы... как культурной нации, ей необходимо принадлежать к этой Европе»<sup>73</sup>. Следует смотреть не на сегодняшний ЕС, а каким он станет через 10-15 лет.

Как видим, даже доброжелательные эксперты не идут дальше вывода о том, что сегодня «Россия намерена быть *партнером*, а не членом ЕС»<sup>74</sup>. Однако партнерство, даже стратегическое, требует перевода на язык реальной «субъектности» России в Европе. Что это означает в **институциональном** плане?

---

<sup>71</sup> Гриффитс Р.Т. *Основания европейской интеграции* // Полис. - 2002. - №4. - С. 135-145.

<sup>72</sup> Гомар Т. *России и Евросоюзу пора повзрослеть* // Независимая газета. 23.11.2004.

<sup>73</sup> Рар А. *Европейские стандарты и российские интересы* // Литературная газета. 2-8.06.2004.

<sup>74</sup> См.: Шнайдер-Детерс В. *Op. cit.* - С. 94-95.

Во взаимодействии с ЕС России нет необходимости шантажировать «конфликтом цивилизаций», ибо, в отличие от Турции, объективных оснований для него нет. Но остается комплекс других «противопоказаний» полному членству в ЕС<sup>75</sup>. Искомый сценарий предполагает стратегически целесообразный компромисс. Но влиятельное крыло российского экспертного сообщества не может отрешиться от замеченной еще Ю. Крижаничем логики - «ходить по краям» и предлагать неактуальную и опасную для России дилемму по принципу «все или ничего». Она напоминает иронию К. Маркса: «Все эти попытки напоминают того учителя гимнастики, который в качестве самого лучшего метода обучения прыжкам предложил следующий: ученика подводят к большому рву и с помощью веревочки отмечают, до какого места он должен прыгать *через* ров. Понятно, ученик должен был учиться прыгать постепенно и в первый день не должен был перемахнуть через весь ров; время от времени веревка должна была передвигаться все дальше. К сожалению, ученик при первом же уроке упал в ров... Учитель был немец, а ученика звали Свобода».

Подлинная дилемма сводится к тому, что Россия не может не быть Европой-3, но и пока не может быть полноправным членом ЕС. И не доктринерские, а реальные споры идут вокруг перспективы **ассоциации** России и ЕС. По этому поводу выражается дружный скепсис, и не будем отвергать *ratio* этих сомнений: «ассоциация, не выходящая даже в долгосрочной перспективе на членство, является худшей из всех моделей отношений, которую можно выстраивать с Евросоюзом. Не случайно от подобной модели упорно отказывается Турция, настаивая на полноправном членстве. Она стремится стать частью Европы. Россия же, остановившись на „дорожных картах“, рискует превратиться в полуколонию»<sup>76</sup>.

---

<sup>75</sup> См.: Левяш И.Я. *Культурология*. - С. 394-396; он же, *Россия в XXI веке*: 2005. - С. 19.

<sup>76</sup> Суслов А. *Колония Европы или ее часть?* // Независимая газета. - Дипкурьер. 23.05.2005.

Вообще турецкий фактор в этом контексте не корректен, поскольку его «все или ничего» - из георасенала «нулевой суммы». У России во многом другие, прежде всего культурно-цивилизационные и как лишь следствие - геополитические подходы. Однако в данном «важном споре» ассоциация, как контраргумент сближения с Европой, - это эвфемизм. Когда говорят об ассоциации «без долгосрочной перспективы», имеют в виду **конфедерацию**. Действительно, как самоцельная, она ни разу в истории не имела перспективы. Это закономерно как феномен *realpolitik* в «чистом виде» - форма целеполагания и структурирования лишь ситуативно совпавших межгосударственных интересов и задач. Если они решены, мавр уходит.

Совсем иное дело - совпадение коренных интересов и ценностей народов и государств, которые принадлежат к одному КЦК. Даже имея гетерогенный характер, подобно общеевропейскому КЦК, он напоминает ассиметричные полушария головного мозга, способного нормально функционировать лишь в их единстве, взаимодополняемости. Трагический опыт Европы показал, что претензии на самодостаточность, взаимное «неузнавание» этих полушарий приводят к параличу “мозга”, а в последней мировой и европейской Катастрофе - к угрозе его гибели.

Если полнометражная интеграция России и ЕС сегодня невозможна, это не довод для позиции «все или ничего». **Ассоциированное членство** в Союзе - такова искомая институциональная форма. Она соответствует единым смыслам/целям Союза, делегированию полномочий для решения общих задач и вместе с тем, по формуле «Европы отечеств», позволяет сохранять и воспроизводить «самостояние» России, ее национальный суверенитет. Эта форма должна предполагать **возможность** полной интеграции уже в среднесрочной перспективе. Но для этого необходимо более зрелое состояние как России, так и Союза в целом. «Птице-тройке» время «запрягать» в направлении триединой Европы и в ближайшей перспективе

«фактора 2007», когда потребуется либо денонсировать, либо кардинально обновить основополагающий акт ЕС-Россия.

Характерный штрих о памяти и беспамятстве как воспоминании о будущем. В дни великого торжества - 60-летия Победы К. Юнкер предложил рассматривать две годовщины - Победы и основания Союза - как единое целое. Его поддержал и кое-кто из российских экспертов. В идеале, возможно, так и будет, и скажут буквально: «За нашу и вашу победу». Но сегодня это, как минимум, преждевременно для обеих сторон. ЕС еще не определился в выборе между европейскостью и вестернизацией и, судя по драме Конституции ЕС, еще далек от своей Победы. С другой стороны, и Россия - не в «белых одеждах». До сих не снята дилемма европейскости/евразийскости, или сущности/содержания России. Это по определению означает невозможность смыслообразующего вектора и адекватной стратегии. Более того, замкнувшись на евразийском содержании, мы обречены к откату от России к «Руси». И тогда все флаги будут к нам, но не в гости. В этом варианте есть смысл напомнить геополитическую притчу. Сказывают, что в середине XXI века в Евразии все будет спокойно, не считая одиночных выстрелов... на германо-китайской границе.

Вместо заключения можно заметить словами А. Чехова: писатель должен знать не только *что* писать, но и *когда* писать. Не опоздать бы и нам с европейским выбором. Вчера, возможно, было рано, завтра наверняка будет поздно. Действовать здесь и сейчас - таков императив времени. Максима: «настоящее - это прошлое будущего» - неотвратима.